В. В. Николаев, Е. В. Самушкина

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ У КУМАНДИНЦЕВ, ТУБАЛАРОВ И ЧЕЛКАНЦЕВ В XIX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА¹

Статья посвящена проблеме языковой идентичности кумандинцев, тубаларов и челканцев. В статье будут рассмотрены этноязыковые процессы, определено современное состояние и дана характеристика перспектив развития этноязыковой ситуации у трех коренных малочисленных тюркоязычных народов Алтая. На основе анализа архивных источников (материалов делопроизводственных документов региональной власти, Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.), опубликованных данных переписей, глубинных интервью, результатов соцопроса представлены процессы этнолингвистической трансформации среди коренных малочисленных народов предгорий Северного Алтая. В ходе исследования выявлены факторы, повлиявшие на изменение языковой картины, а также последствия трансформаций для данных этнических групп. Доказано, что на протяжении XIX — начала XXI вв. этноязыковая ситуация у коренного населения предгорий Северного Алтая кардинально изменилась. Сделан вывод о том, что до 30-х гг. XX в. подавляющее большинство населения изучаемого региона говорило на родном языке и не знало русского языка, несмотря на работу Алтайской духовной миссии и широкое расселение переселенцев в регионе. В пределах 10 % от общей численности коренных тюркоязычных жителей, в основном мужчин, владело русским языком. В ранне-советский период, в том числе, благодаря программам советской власти по формированию сети школ, организации «национальных колхозов» распространение русского языка среди кумандинцев, тубаларов и челканцев сдерживалось. В дальнейшем «национальные» школы и колхозы были закрыты. Русский язык стал доминировать в публичной сфере. Именно поколение родившихся в 20–30-х гг. XX в. становится массово билингвами. Отправной точкой нивелирования миноритарных языков стало разрушение среды, в которой они функционировали, в результате ликвидации перспективных сел и отрыва от родной языковой среды вследствие миграции молодых людей за пределы этнической территории в 50–70-е гг. XX в. Современное состояние миноритарных языков характеризуется кризисными явлениями; перспективой для них является деятельность общественных организаций.

Ключевые слова: *коренное население, кумандинцы, тубалары, челканцы, Алтай, этноязыковые процессы, миноритарные языки.*

Введение

В современном мире происходит унификация разных сторон жизни человека, в том числе и в сфере языка. Языки малочисленных народов, которые зачастую являются бесписьменными или имеют ограниченные сферы функционирования, исчезают. В связи с происходящими процессами на международном и национальном уровнях предпринимаются меры по сохранению лингвистического разнообразия. Так, 2019 г. был объявлен Генеральной Ассамблеей ООН Международным годом языков коренных народов.

Утрата родного языка характерна и для коренного населения предгорий Северного Алтая: кумандинцев, тубаларов и челканцев. Они включены в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ в 2000 г. В последние десятилетия осуществляется целенаправленная поддержка автохтонных культур Алтая. Территория их современного расселения охватывает Красногорский и Солтонский районы Алтайского края, Турачакский и Чойский районы Республики Алтай. Их численность в 2002 г. составила 3114 кумандинцев, 1565 тубала-

¹ Работа выполнена в рамках программы НИР XII.186.3. Традиционное мировоззрение народов Сибири: способы устойчивости, пути изменений. № 0329-2018-0006 Символ и знак в культуре народов Сибири XVII–XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения.

ров и 855 челканцев; в 2010 г. — 2892, 1965, 1181 чел. соответственно (Размещение населения коренных малочисленных народов по...; Размещение населения...).

На сегодняшний день кумандинский, тубаларский и челканский языки существуют вне публичной сферы. В Алтайском крае коренное население говорит на русском языке, в Республике Алтай — на русском и/или алтайском. Родной язык используют для общения внутри семьи или с родственниками. Подобное положение дел вызывает обеспокоенность среди общественных деятелей кумандинцев, тубаларов и челканцев, занимающихся возрождением этнических культур. Окончательная утрата родного языка ведет, согласно мнению представителей коренных малочисленных народов, к потере этнической специфики, а следовательно к ассимиляции и исчезновению этнической группы. В настоящее время членами общин кумандинцев, тубаларов и челканцев предпринимаются беспрецедентные меры по сохранению родного языка. В частности, кумандинкой В. М. Кастараковой прилагаются усилия по аудиофиксации уходящего живого языка. При этом как в общественном, так и в академическом дискурсе отсутствует обсуждение причин кризисного состояния миноритарных языков Алтая (напр., Кандаракова, 2001; Малинов, 2008; Озонова и др., 2003; Сарбашева, 2000).

Разные поколения исследователей отмечали несколько пластов в культуре северных алтайцев, указывали на то, что в прошлом некоторые этнические группы Алтая были самодийцами. В частности, В. В. Радлов (Радлов, 1989: 93) предполагал, что тубалары (туба, черневые татары) — «самоедские племена, уже в тюркизированном виде переселившиеся в начале прошлого столетия в район между Телецким озером и Катуней. Они уже не раз смешивались с алтайцами и телеутами, так что язык их очень близок к алтайскому». Таким образом, если принять версию В. В. Радлова, которую разделял Л. П. Потапов (Потапов, 1969), подкрепляя ее этнографическими и этнокультурными фактами, то получится, что в прошлом в предгорьях Северного Алтая и на сопредельных территориях проживали разные по происхождению и языку этнические группы. Длительные этнические и этноязыковые процессы, начавшиеся в отдаленном прошлом, завершились становлением тюркоязычных этнических групп (скорее всего, до прихода русских в регион), на базе которых в том числе сформировались кумандинцы, тубалары и челканцы.

Кумандинский, тубаларский и челканский языки определялись исследователями как диалекты алтайского языка хакасской подгруппы уйгуро-огузской группы тюркских языков (напр.: Баскаков, 1960: 184–185). В настоящее время высказывается мнение о самостоятельности как минимум кумандинского языка (Уртегешев, 2005: 105). Эта точка зрения была сформулирована еще в 1920–1930-е гг. в период организации национальных школ: «основных имеющих коренные расхождения наречий в Ойротии 3: алтайское, тубаларское, кумандинское и 4-е теленгитское, имеющее небольшое расхождение с алтайским... тубалары и кумандинцы могут понимать алтайское наречие не менее, как на 80 %...» (ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1221. Л. 33).

В данной статье будут выявлены основные детерминанты, обусловившие изменения этноязыковой ситуации у коренного населения предгорий Северного Алтая в течение XIX — начала XXI в. Задачами исследования являются: рассмотрение этноязыковых процессов у автохтонов предгорий Северного Алтая на протяжении XIX — начала XXI в.; определение современного состояния кумандинского, тубаларского и челканского языков и характеристика перспективы развития этноязыковой ситуации.

Материалы и методы

Источниковой базой исследования стали архивные документы, аккумулированные в Государственном архиве Алтайского края (далее — ГААК) и Новосибирской области (далее — ГАНО), и полевые материалы В. В. Николаева, собранные в 2007–2008 гг. в Красно-

горском и Солтонском районах Алтайского края и Турачакском районе Республики Алтай и в 2017 г. в г. Бийске.

Социологический опрос проводился методом структурированного интервью среди кумандинцев, проживающих в г. Бийск. Для оценки достоверности результатов опроса были использованы итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. В г. Бийске проживало 530 кумандинцев, в том числе 42,6 % мужчин и 57,4 % женщин. Для определения половозрастной структуры выборки взрослого кумандинского населения была использована половозрастная структура всего городского кумандинского населения по Алтайскому краю, т. к. отдельных данных по г. Бийску нет. По итогам переписи в Алтайском крае в городской местности проживало 609 кумандинцев, в том числе 540 чел. в возрасте от 18 лет и старше. В составе взрослого кумандинского городского населения мужчины составляли 41,5 %, женщины — 58,5 %. Обследованим было охвачено 58 респондентов (25 мужчин и 33 женщины, соответственно доля мужчин составила 43,1 %, женщин — 56,9 %). Относительная ошибка выборки не выходит за пределы 10 %. Выборка репрезентативна по полу и возрасту. В каждой семье опрашивался один человек. Средний возраст респондентов составил 44 года.

В новейших работах отечественных этнографов лишь констатируется кризисное состояние кумандинского, тубаларского и челканского языков. Однако комплексные исследования, раскрывающие сущность этноязыковых процессов в предгорьях Северного Алтая, отсутствуют. Новизна данной работы определяется систематизацией опубликованных ранее материалов, а привлечение новых источников позволит раскрыть характер происходящих процессов в этноязыковой сфере у кумандинцев, тубаларов и челканцев.

Результаты

До XIX в. контакты коренного населения с пришлым были минимальны и ограничивались эпизодическим общением со сборщиками ясака и казаками Бийской крепости. Изменения начались с административно-территориальных преобразований в начале XIX в. и создания «культуртрегерских» волостей (Быстринская, Кокшинская, Сарасинская и др.), состоящих из маргинальных коренных жителей, принявших православие.

Несколько позже в 1828 г. была открыта Алтайская духовная миссия. Одними из инструментов прозелитических практик стали открываемые миссионерские поселения и школы, которые в том числе создавали благоприятную обстановку для распространения знаний русского языка среди коренного населения.

В сохранившихся документах миссии содержится разнообразная информация, в том числе и о школьном деле. Например, в Кебезенском и Паспаульском отделениях, где большинство автохтонов уже было крещено, в 1909 г. проживало 368 и 312 мужчин и 212 и 209 женщин соответственно, владеющих грамотой и состоявших в православной вере, а также 733 и 805 мужчин и 894 и 945 женщин соответственно неграмотных (ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 36. Л. 20–21). В целом на подотчетной миссии территории треть христиан было грамотным, что сомнительно. Достаточно обратить внимание на следующие данные, приведенные в том же документе: в 54 школах обучалось 1011 мальчиков и 427 девочек, из которых 413 и 149 соответственно были инородцами. В этом же году завершило обучение 32 мальчика и 22 девочек (в том числе 9 и 5 инородцев), в то время как 138 мальчиков и 70 девочек досрочно покинули учебные заведения по тем или иным причинам (ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 36. Л. 23об. –24). Как видим, за год *на всей территории миссии* успешно окончили школу только 14 детей из числа коренного населения. В четыре раза больше детей (208 против 54) не смогли освоить школьную программу или по семейным обстоятельствам прервали учебу. На наш взгляд, итоговые цифры имели оценочный характер и стремились к завышению в несколько раз в силу субъективности авторов отчетов, которые, в частности, не учитывали утрату бывшими учениками с возрастом навыков и умений, полученных в миссионерской

школе. Из материалов миссии сложно определить, насколько успешным для детей было обучение в миссионерской школе, в том числе овладели ли русским языком выпускники.

Об итогах преобразовательной деятельности Алтайской духовной миссии, окончательно прерванной в 1919 г. вследствие гражданской войны и установления советской власти в регионе, и направленности этноязыковых процессов в XIX — начале XX вв. можно судить по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. Переписчики зафиксировали разнообразные сведения, позволяющие подвести итог преобразовательной деятельности российской власти среди коренного населения посредством, в первую очередь, миссии. В переписных карточках по населенным пунктам Верхне-Бийской волости (совр. Турачакский р-н; охватывающая большую часть поселений Паспаульского и Кебезенского отделений миссии) сохранились пометки переписчиков, не являющиеся обязательными к внесению: «говорит по-русски», «п.р.г.», «прг», «ин гпр» или «гпр» (ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 139–148, 148а).

В большинстве карточек, где имеется отметка «гпр» или подобная ей, отмечен лишь один член семьи, реже два-три. Только в одной карточке все члены домохозяйства, в том числе и младенцы, маркированы.

В Верхне-Бийской волости переписчиков было несколько. Одним из них был местный миссионер (или другой сотрудник отделения миссии — дьякон, псаломщик), на что указывает пометка в одной из карточек «сн 2год» (т. е. сноха 2 года) рядом с 18-летней девушкой. По нашему мнению, около половины карточек заполнено сотрудником миссии, хорошо знавшим коренное население. Часть карточек (около 10 %) заполнена в соответствии с инструкцией контролирующим или проверяющим лицом и не имеет никаких дополнительных записей.

Таблица 1.

Этноязыковая характеристика коренного населения Верхне-Бийской вол. Бийского уезда, в 1917 г.*

Населенный пункт	Общее кол-во домохозяйств	В том числе домохозяйств коренного населения		Общая численность коренного населения	В том числе говорят на русском языке	
		кол-во	%		кол-во	%
Арбачак**	41	10	24,4	46	4	8,7
Артыбаш	40	27	67,5	129	0	0
Баушка	11	11	100	60	нет данных***	
Верх-Ынырга (Вершина Ынырги)	22	20	90,9	96	7	7,3
Верхняя Чулушкара	17	15	88,2	50	2	4,0
Выселок Ынырга	30	20	66,7	101	14	13,9
Какаиха	6	6	100	26	0	0
Карагон	10	8	80	33	4	12,1
Карасу	4	4	100	22	нет данных	
Каргызак	6	6	100	20	0	0
Кару-Тулой	8	5	62,5	23	нет данных	
Каячук	24	24	100	110	19	17,3
Кебезень	113	71	62,8	314	35	11,2
Кла	16	13	81,3	63	нет данных	
Кузя	50	45	90	189	16	8,5
Курагач	7	7	100	30	0	0

Населенный пункт	Общее кол-во домохозяйств	В том числе домохозяйств коренного населения		Общая численность коренного населения	В том числе говорят на русском языке	
		кол-во	%		кол-во	%
Нижняя Чулушкара	18	15	83,3	70	нет данных	
Никольское	11	1	9,1	4	0	0
Паланак	7	7	100	37	6	16,2
Пыжа	28	28	100	140	0	0
Салганак	21	21	100	110	0	0
Сузапов	12	11	91,7	57	нет данных	
Сюра	24	24	100	103	0	0
Таш-Таргон	5	4	80	15	1	6,7
Терегеч	11	11	100	47	0	0
Тулой	37	9	24,3	59	0	0
Усть-Пыжа	8	8	100	60	0	0
Усть-Уймень	27	26	96,3	121	25	20,7
Чешта	4	3	75	9	0	0
Чорбок	28	22	78,6	116	18	15,5
Чюра	6	5	83,3	31	0	0
Ынырга	106	31	29,3	158	7	4,4
Эдербес	46	39	84,8	181	21	11,6
Эзибеч	15	13	86,7	53	0	0
Юля	12	3	25	20	7	35,0
Яйлю	9	7	77,8	44	1	2,3
<i>Итого</i>	840	580	69,1	2 747	187	6,8

* Составлено по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 139–148.

** Приведены только те населенные пункты, в которых проживало коренное население.

*** В настоящее время дело 148а, в котором содержатся сведения о населении айлов Баушка, Карасу, Кару-Тулой, Кла, Нижняя Чулушкара и Сузапов, недоступно.

Таблица 2.

Доля грамотного и говорящего на русском языке коренного населения в Верхне-Бийской вол. в 1917 г.*

Населенный пункт	Общая численность	В том числе			
		грамотные		говорят на русском языке	
		кол-во	%	кол-во	%
Арбачак	46	0	0	4	8,7
Артыбаш	129	4	3,1	0	0
Баушка	60	2	3,3	нет данных	
Верх-Ынырга (Вершина Ынырги)	96	2	2,1	7	7,3
Верхняя Чулушкара	50	0	0	2	4,0
Выселок Ынырга	101	11	10,9	14	13,9
Какаиха	26	0	0	0	0
Карагон	33	1	3	4	12,1
Карасу	22	0	0	нет данных	

Населенный пункт	Общая численность	В том числе			
		грамотные		говорят на русском языке	
		кол-во	%	кол-во	%
Каргызак	20	0	0	0	0
Кару-Тулой	23	0	0	нет данных	
Каячук	110	9	8,2	19	17,3
Кебезень	314	63	20,1	35	11,2
Кла	63	1	1,2	нет данных	
Кузя	189	11	5,8	16	8,5
Курагач	30	0	0	0	0
Нижняя Чулушкара	70	1	1,4	нет данных	
Никольское	4	3	75	0	0
Паланак	37	0	0	6	16,2
Пыжа	140	3	2,1	0	0
Салганак	110	0	0	0	0
Сузапов	57	0	0	нет данных	
Сюра	103	2	1,9	0	0
Таш-Таргон	15	0	0	1	6,7
Терегеч	47	0	0	0	0
Тулой	59	8	13,6	0	0
Усть-Пыжа	60	0	0	0	0
Усть-Уймень	121	5	4,1	25	20,7
Чешта	9	0	0	0	0
Чорбок	116	0	0	18	15,5
Чюра	31	0	0	0	0
Ынырга	158	30	19	7	4,4
Эдербес	181	7	3,9	21	11,6
Эзибеч	53	1	1,9	0	0
Юля	20	1	5	7	35,0
Яйлю	44	2	4,6	1	2,3
<i>Итого</i>	2 747	167	6,1	187	6,8

* Составлено по: ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 139–148.

Таблица 3.

**Распределение грамотного и говорящего на русском языке
коренного населения Верхне-Бийской вол. по полу и возрасту в 1917 г.***

Возрастная группа	Грамотные						Говорящие по-русски					
	Мужчины		Женщины		Всего		Мужчины		Женщины		Всего	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
0-4	0	0	0	0	0	0	4	2,1	0	0	4	2,1
5-9	2	1,2	1	0,6	3	1,8	4	2,1	2	1,1	6	3,2
10-14	16	9,5	7	4,2	23	13,7	9	4,8	3	1,6	12	6,4
15-19	18	10,7	6	3,6	24	14,3	18	9,7	1	0,5	19	10,2

Возрастная группа	Грамотные						Говорящие по-русски					
	Мужчины		Женщины		Всего		Мужчины		Женщины		Всего	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
20–24	17	10,2	3	1,8	20	12	16	8,6	2	1,1	18	9,7
25–29	17	10,2	8	4,8	25	15	18	9,7	3	1,6	21	11,3
30–34	15	9	5	3	20	12	19	10,2	2	1,1	21	11,3
35–39	17	10,2	2	1,2	19	11,4	20	10,7	3	1,6	23	12,3
40–44	7	4,2	1	0,6	8	4,8	15	8,0	3	1,6	18	9,6
45–49	8	4,8	2	1,2	10	6	12	6,4	3	1,6	15	8,0
50–54	5	3	0	0	5	3	10	5,4	0	0	10	5,4
55–59	4	2,4	1	0,6	5	3	6	3,2	0	0	6	3,2
60–64	3	1,8	1	0,6	4	2,4	5	2,6	0	0	5	2,6
65–69	0	0	0	0	0	0	3	1,6	1	0,5	4	2,1
старше 70 лет	1	0,6	0	0	1	0,6	4	2,1	1	0,5	5	2,6
<i>Всего</i>	130	77,8	37	22,2	167	100	163	87,2	24	12,8	187	100

* Рассчитано по данным таблиц 1 и 2.

Центром Верхне-Бийской волости было миссионерское поселение Кебезень. Несмотря на то, что именно в этом населенном пункте должны были наиболее интенсивно проходить ассимиляционно-аккультурационные процессы, доля говорящих по-русски составила лишь 11,2 % от общей численности коренного населения (таблица 1). Схожая ситуация зафиксирована и в другом миссионерском поселении, Ынырге (13,3 % говорящих по-русски), где располагался молитвенный дом. В целом знание русского языка отмечается у коренного населения, проживавшего как в отдаленных моноэтнических аилах, так и в крупных смешанных населенных пунктах. Исходя из полученных данных, можно резюмировать, что основным стимулом в освоении языка пришлого населения выступали насущные проблемы: необходимость ведения торговых дел с русскими купцами (торговля, реализация промысловой продукции и др.), представительские функции от лица местного сообщества и т. д. Передача знаний русского языка внутри семьи было исключительным явлением. Только в 6 семьях все или часть детей говорили на русском языке.

В итоге, на 2747 чел. приходилось 187 чел. или 6,8 % говорящих по-русски (без учета населенных пунктов, по которым отсутствуют данные — 2452 чел., и соответственно доля говорящих по-русски составила 7,6 %). Почти в половине населенных пунктах волости, где проживало коренное население, не было ни одного знавшего русский язык. За исключением Артыбаша и Тулоя, это были небольшие населенные пункты.

Непосредственная роль Алтайской духовной миссии в распространении русского языка среди коренного населения в связи с представленными данными видится нам незначительной. В частности, лишь 32 человека или 17,1 % от общего числа говорящих по-русски были грамотными. Сопоставление данных переписи 1917 г. о грамотных и говорящих на русском языке это подтверждает (таблица 2). В соответствии с реалиями начала XX в. грамотный человек не обязательно говорил по-русски.

Распространение знания русского языка среди коренного населения не являлось главной или даже второстепенной задачей деятельности миссии. Не случайно руководство миссии в своей кадровой политике опиралось на рекрутирование сотрудников из числа автохтонов, а также осуществляло перевод на алтайский язык религиозной литературы. Школы рассматривались как один из инструментов прозелитизма. Миссия в силу финансовой ограни-

ченности была не способна охватить все коренное население, к тому же в условиях нарастающего притока переселенцев, также отправлявших своих детей на учебу в школу. Миссионерские школы и поселения создавали среду, в которой в ходе коммуникации в перспективе должна была сформироваться двуязычная среда, но ограниченное время существования миссии и медленно преодолеваемое недоверие коренного населения не позволило в полной мере этому состояться.

В миссионерских школах в ходе четырехлетнего обучения учащиеся зачастую не успевали пройти всю программу, в том числе и русский язык. Большинство учеников успевало освоить только часть предметов, в частности, алтайский литературный язык, разработанный сотрудниками миссии на базе телеутского языка и кириллицы. Таким образом, этноязыковая сфера коренного населения в большей степени трансформировалась в ходе межэтнических контактов, интенсивность которых наращивалась, в том числе благодаря усилиям миссионеров, привлекавших переселенцев на территорию традиционного проживания коренного населения.

Среди говорящих по-русски значительно преобладали мужчины (87,2 % от общего числа) (таблица 3). Именно они в большей степени контактировали с внешним миром; женщины, выступая хранительницами традиций, сохраняли приверженность родному языку. Среди женщин (12,8 %), владевших русским языком, несомненно, были представительницы пришлового населения, но характер переписи 1917 г. не позволяет это подтвердить (фиксировалась национальность только главы домохозяйства).

Сопоставляя данные по грамотным и говорящим по-русски, можно отметить, что доля мужчин среди вторых заметно выше. В возрастном разрезе грамотных больше всего среди подростков и людей среднего возраста (до 40 лет), в то время как говорящие по-русски — в основном мужчины среднего возраста (с 15 до 55 лет).

В целом количество говоривших на русском языке в Верхне-Бийской волости было больше, так как часть переписных карточек по каждому населенному пункту заполнено другим человеком (на это указывает цвет чернил и особенности подчеркивания), скорее всего, проверившим собранные сведения, который не допускал внесения лишней информации.

Зафиксированные кропотливым переписчиком данные по Верхне-Бийской волости, выходящие за пределы инструкции, позволяют сделать несколько выводов об этноязыковых процессах на рубеже XIX–XX вв.: владеющие русским языком среди коренного населения составляли меньшинство даже в миссионерских центрах; среди них значительно преобладали мужчины, вовлеченные в большей степени в межэтническую коммуникацию; за пределами крупных населенных пунктов знание русского языка было еще ниже, если не исключительным. Знание русского языка скорее воспринималось как насущная необходимость для коммуникации с внешним миром; за редким исключением родной язык оставался средством общения внутри семьи и сообщества. Этому способствовало сохранение моноэтнических населенных пунктов и ограниченность контактов с пришлым населением, а также устойчивость родственных и общинных связей. По сути, деятельность миссии привела к появлению лишь незначительной группы автохтонов, говорящих на русском языке, что все же подготовило коренное население к дальнейшим трансформационным процессам в языковой сфере в 1930-е и последующие годы. В целом же среда функционирования миноритарных языков сохранялась даже в рамках новых поселений, которыми являлись миссионерские опорные пункты на Алтае. Нам представляется правомерным экстраполировать полученные выводы на коренное население предгорий Северного Алтая в целом с учетом следующих особенностей развития: кумандинцы более долгое время испытывали этнокультурное влияние прилового населения и, скорее всего, в их среде русский язык получил сравнительно более широкое распространение, но этнокультурная устойчивость обуславливалась компактностью проживания в трех десятках айлов; коренные жители бассейна р. Лебедь были в силу природно-географического фактора относительно изолированы от

контактов с переселенцами (лишь со второй половины XIX в. стали появляться заимки) и прозелитических практик (поездки миссионеров были редки, а передвижная Байгольская школа миссии была организована лишь в начале XX в.), что позволяет предполагать единичные случаи знания русского языка челканцами.

Основные направления советской национальной политики были сформулированы на XII съезде РКП(б). В ходе заседаний И. В. Сталин выступил с «Докладом о национальных моментах в партийном и государственном строительстве». В нем были обозначены основные направления политики советской власти по отношению к национальным меньшинствам (Сталин, 1923: 439–454). Одним из путей перехода от закрепленного в результате политики царского режима неравенства к их равноправию была выделена «национализация». Этот процесс предполагал перевод работы партийных и советских органов на местные языки, понятные массам (Сталин, 1923: 451). В том числе указывалось, что в работе органов национальных республик и областей должны участвовать по преимуществу люди, владеющие языком, обладающие знанием в области культурного и хозяйственного развития соответствующих народов.

Был определен ряд мероприятий по осуществлению заданных установок национальной политики: образование марксистских кружков из работников национальных республик, перевод и публикация марксистской, массовой партийной литературы на родном языке, активизация работы Университета народов Востока, усиление партийно-воспитательной работы, в том числе среди молодежи (Тезисы..., 1923: 3). Таким образом, были обозначены два основных вектора. В Сибирском крае их попытались реализовать в конце 1920-х и 1930-е гг. Во-первых, институтами образования создавалась элита из местного коренного населения (так называемая политика «коренизации»). Во-вторых, признание высшими партийными органами культурной самобытности национальных меньшинств выразилось прежде всего в расширении сети образовательных учреждений. В данных институтах (юртах-передвижках, пунктах по ликвидации неграмотности, школах повышенного типа, избах-читальнях) не только для детей и молодежи, но и для взрослого населения велось обучение грамоте на родном языке, транслировались в понятной для населения форме идеологемы советской власти.

В постановлении по докладу о работе среди национальных меньшинств Сибирского края, принятом 8 декабря 1929 г., предлагалось приступить к практическому переводу всей работы национальных советов на родной язык, расширить привлечение детей в школы, организовать школы повышенного типа, усилить качество работы школ (подбор учителей, снабжение учебниками, в том числе краеведческими) (Постановление..., 1930: 110).

Несмотря на приводимые в отчетах цифры, показывающие рост всеобщего начального образования на родном языке, фиксируются проблемы. Поставлен вопрос о национальных педагогических кадрах: о неудовлетворительном социальном составе, низком уровне знаний алтайского учительства (Николаев, 1932: 88). В качестве причин замедления роста культурного уровня масс приведены слабая идеологическая подготовка избачей, нехватка национальной литературы, плохое оборудование юрт-передвижек. Так, в отчетном докладе отдела национальностей Сибирского края указывалось, что учебниками на национальном языке обеспечена только половина школ. Их издание, как и публикация национальной литературы, осуществлялась в центре или соседних национальных Республиках. Отмечалось неудовлетворительное состояние интернатов (ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1465. Л. 30–30 об.). Указывались низкие качественные характеристики школ: отставание уровня знаний от среднего уровня русских школ по причине слабой квалификации преподавателей [ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1465. Л. 31 об.).

Одним из центральных мероприятий советской власти в области социокультурного строительства была разработка и введение нового тюркского алфавита на основе латинской графики. Первоначально его планировали внедрить среди тюркских народов, использующих

арабскую графику. Но потом, согласно постановлению, подчинившись желанию представителей тюркских народов с мест, решили расширить его распространение.

Показательна и интересна для анализа национальной политики советской власти, ее подходов при формировании национальной идентичности стенограмма заседаний Тюрко-татарской конференции, проходившей в январе 1931 г. В ходе заседаний была поставлена проблема выработки единого латинского алфавита для всех тюркских народов Сибири. Отмечалось, что, несмотря на некоторые различия в «алтайских наречиях», выработка единого алтайского языка переводческой комиссией идет успешно. И он создается для того, чтобы вся масса алтайского населения понимала написанное. Остановились на принятии устьканского «наречия», приняв некоторые элементы «наречия», бытовавшего в Онгудайском аймаке. Подобная унификация была необходима для издания массовой литературы (ГАО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1458. Л. 15). Примером взаимопонимания в лингвистическом плане, послужило, согласно выступающим, общение на своих «наречиях» участников съезда (ГАО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1458. Л. 17). Единый алфавит также передавал интернациональный характер советского сообщества: «Мы стремимся к тому, чтобы национальная по форме культура выражала единые передовые интересы трудящихся всех национальностей. В этом и смысл унификации» (ГАО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1458. Л. 120–121).

Опираясь на опыт Алтайской духовной миссии, с первых лет установления советской власти на Алтае продолжилось развитие сети школьных учреждений. Новая власть была слабо заинтересована в привлечении опытных педагогов с миссионерским опытом, сделав ставку на подготовку нового поколения молодых учителей. Лишь в отдельных случаях, учитывая проявленную лояльность, миссионерские учителя допускались до учебного процесса. Например, заштатный священник П. И. Сорокин был назначен учителем, но «временно..., как идейного работника педагогического, вполне сочувствующего идее “Е.Т.Ш.”» (единая трудовая школа) (ГААК. Ф. Р. 141. Оп. 1. Д. 32. Л. 22).

16 октября 1918 г. было принято Положение о Единой трудовой школе, а 31 октября 1918 г. постановление Наркомпроса РСФСР «О школах национальных меньшинств», которые были реализованы на территории традиционного проживания коренного населения предгорий Северного Алтая фактически только в 1920 г. На III Всероссийском съезде Завгубоно, проходившем в конце 1922 г., была принята резолюция «О просвещении среди национальных меньшинств». В ней отмечался «катастрофический характер» народного образования среди национальных меньшинств и предлагались меры по улучшению ситуации (ГААК. Ф. Р. 141. Оп. 1. Д. 276. Л. 17).

Школьное строительство на Алтае развивалось интенсивно, хотя, возможно, лишь на бумаге. Так, по данным на 10 августа 1920 г. функционировало «27 алтайских и 25 смешанных школ» (ГААК. Ф. Р. 141. Оп. 1. Д. 274. Л. 54), а по данным на 19 апреля 1921 г. уже действовало 210 школ I ступени, в том числе «114 школ национальных меньшинств и 20 смешанных» (ГААК. Ф. Р. 141. Оп. 1. Д. 28. Л. 100). Вызывает сомнение, что менее чем за год количество школ могло увеличиться в несколько раз, так как для этого было необходимо создать не только соответствующую инфраструктуру, но и подготовить педагогические кадры.

С 1921 г. началось издание учебной литературы на алтайском языке (ГААК. Ф. Р. 922. Оп. 1. Д. 2. Л. 48 об.). И лишь в 1933 г. был издан «Куманды-букварь» на базе латинского алфавита.

К началу 1930-х гг. были достигнуты значительные успехи в деле формирования сети национальных школ. Так, в Резолюции по докладу тов. Скворцова «О состоянии и очередных задачах нацшколы» на Западносибирской краевой конференции школьных инструкторов и заведующих образцовыми школами отмечалось, что в Ойротии план по осуществлению всеобщего начального обучения «выполнен на 96–97 %», а общее количество «национальных школ на родном языке учащихся» в Сибкрае выросло: «1729 шк. комплектов в

1931–32 уч. году, против 850 комплектов в 1930–31 уч. г.». Столь быстрое разрастание школьной сети сопровождалось многочисленными проблемами: «низкий общеобразовательный уровень и слабая педагогическая квалификация значительного большинства нацучителей», «полное и частичное отсутствие учебников и программно-методической литературы на родном языке (совершенно не имеют нац. учебников: ...телеуты, шорцы, алтайцы...)», «отсутствие инструктажа и методической помощи» и т. д. (ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1519. Л. 300).

В течение 1920 — начала 1930-х гг. сохранению кумандинского, тубаларского и челканского языков способствовали национальные школы, а также создаваемые с учетом этнического фактора колхозы, что позволяло трудиться в моноэтничных трудовых коллективах. К этому времени завершается становление советской системы образования. Большая часть коренного населения, за исключением жителей отдаленных аилов, получали начальное образование. По словам многих информантов, перед поступлением в школу они не знали русского языка (ПМА 2007–2008: с. Красногорское, Солтон, Турочак).

Во второй половине 1930-х гг. произошли кардинальные изменения в национальной политике, отразившиеся на школьном образовании, которое стало полностью осуществляться на русском языке; были закрыты национальные колхозы. Руководством страны был взят курс на унификацию и построение единого советского народа, чему способствовала развернувшаяся модернизация всех сфер общества, и перемещение людей из села в город. На Алтае это привело к сворачиванию всех программ национального развития и объединению всего коренного населения региона в алтайскую социалистическую народность, а в тех образовательных учреждениях, где сохранялось преподавание на национальном языке — изучался алтайский литературный язык. Кумандинский, тубаларский и челканский языки функционировали лишь в семейном общении и с родственниками.

Социально-экономические процессы 1930–1940-х гг., включавшие образование многонациональных по составу коллективных хозяйств, демографические потери в годы Великой Отечественной войны и как следствие расширение контактов (в частности, брачных) с пришедшим населением, престижность всего «русского» и этнокультурное давление численно преобладающего русского населения способствовали существенным трансформациям в этноязыковой сфере. Именно с поколением, родившимся в 1930-е гг., связано широкое распространение билингвизма.

Во второй половине XX в. трансформационные процессы в этноязыковой сфере ускоряются вследствие кампании по ликвидации неперспективных сел, затронувшей практически все населенные пункты коренного населения предгорий Северного Алтая. Они были вынуждены покинуть традиционные места проживания, переселяясь в основном в крупные села и близлежащие города. В результате широко распространились смешанные браки, приводившие к сокращению среды бытования кумандинского, тубаларского и челканского языков, а связь с родственниками стала утрачиваться. Согласно интервью, проведенным среди кумандинцев, тубаларов и челканцев, родившиеся в этот период в лучшем случае знают отдельные слова и фразы на родном языке и лишь в исключительных случаях говорят на нем (ПМА 2007–2008: с. Красногорское, Солтон, Турочак).

Со второй половины 1980-х гг. постепенно наметились качественные изменения в языковой сфере, сопряженные с нарастающим противостоянием центра и регионов, слабо затронувшие малочисленные народы страны. Важной вехой стало принятие закона «О языках народов РСФСР» 25 октября 1991 г. В частности, в нем было зафиксировано право выбирать язык обучения ребенка в школе и объявлять национальный язык государственным в рамках отдельных субъектов (напр., алтайский язык — государственный язык Республики Алтай). Для этого включенному в состав алтайского народа коренному населению предгорий Северного Алтая необходимо было получить статус самостоятельных народов. Постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. в «Официальный единый перечень ко-

ренных малочисленных народов России» были включены кумандинцы, тубалары и челканцы. И только 9.06.2017 г. был принят закон Республики Алтай «О регулировании некоторых вопросов в сфере защиты прав коренных малочисленных народов Российской Федерации, проживающих в Республике Алтай», в котором упоминалось в том числе сохранение и развитие языков этих народов.

Появление новых народов на этнической карте страны привлекло внимание исследователей. Сотрудниками Института филологии СО РАН в начале XX в. и ГАГУ в 1999 г. были проведены социолингвистического обследования в местах традиционного проживания, в ходе которых задавался вопрос о родном языке и степени владения им. Так, «30,3 % опрошенных ответили, что владеют кумандинским свободно; 12,7 % — могут говорить по-кумандински, но с ошибками; 13,5 % понимают, но не говорят; 6,8 % понимают общий смысл сказанного; 16,5 % понимают отдельные слова и бытовые фразы; 20,2 % населения не знают языка» (Уртегешев, 2005: 105–106); «27,8 % опрошенного населения ответили, что владеют туба-диалектом свободно, 26,3 % понимают, но не говорят, 45,9 % населения не знают языка» (Сарбашева, 2000: 169); у челканцев свободно владеют — 73 % и совершенно не говорят — 1,4 % (Озонова и др., 2003: 6). Показательно, что более 90 % респондентов из числа кумандинцев и тубаларов отметили, что общаются с детьми на русском языке; а у челканцев «чаще всего на русском».

Таблица 4.

**Владение родным языком кумандинцами, тубаларами и челканцами
в Алтайском крае и Республике Алтай в 2002 г.**

	Республика Алтай						Алтайский край	
	кумандинцы		тубалары		челканцы		кумандинцы	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
городское и сельское население, в т. ч.:	931	100	1533	100	830	100	1663	100
владеют языком своего народа	315	33,8	408	26,6	466	56,1	581	34,9

* Сост. по: Коренные малочисленные...

Ограниченные территориально и количественно результаты соцопросов подкрепляются материалами переписи 2002 г. (таблица 4)². Исходя из данных соцопросов и переписи можно предполагать, что в целом в начале 2000-х гг. лишь около трети кумандинцев, четверти тубаларов и половины челканцев могли говорить на своем родном языке. Большая доля людей, владеющих языком челканцев, связана с их изолированным проживанием в бассейне р. Лебедь. Позднее активное перемещение, в частности, в районный центр Турачак, начинается с середины XX в. (ПМА 2008: с. Турачак).

² Использование данных переписи 2002 г. проблематично «...в силу методической ошибки, допущенной при подготовке переписного бланка... В одних случаях переписчики, согласно инструкции, просили опрашиваемых указать «родной язык», в других — каким языком владеют. Поэтому приведенные численные соотношения, по всей видимости, содержат значительные искажения» [Степанов 2010: 10–11]. Итоговые данные по стране в 2002 г. были следующими: 1044 кумандинцев, 436 тубаларов и 539 челканцев в графе «владение иными языками» указали язык своего народа (Распространенность владения...). В 2010 г. 758 чел. назвали кумандинский родным языком, 436 — тубаларский и 665 — челканский, в т. ч. 705 кумандинцев, 428 тубаларов и 645 челканцев, а владею кумандинским — 738 чел., тубаларским — 229, челканским — 310, в т.ч. 522 кумандинца, 211 тубаларов и 287 челканцев (Владение языками...; Владение языками населением...; Население наиболее...).

В целом в 2010 г. в Российской Федерации 522 кумандинца (18,1 % от общей численности) владели родным языком, 211 тубаларов (13,5 %), 287 челканцев (33,6 %). За пределами территории традиционного проживания кумандинским владели 34 чел. (в частности, в Кемеровской области из 225 кумандинцев 15 говорят на родном языке) и тубаларским и челканским по 10 чел. Уезжая в другие регионы страны, кумандинцы, тубалары и челканцы уже во втором поколении утрачивают знание родного языка (Национальный состав...). Еще более низкие относительные показатели характерны для коренных народов в Республике Алтай и Алтайском крае [таблица 5].

Таблица 5.

Владение кумандинцами, тубаларами и челканцами языками коренных народов Алтая в 2010 г.*

	Республика Алтай						Алтайский край	
	кумандинцы		тубалары		челканцы		кумандинцы	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Общая численность	1062	—	1891	—	1113	—	1401	—
Указавшие владение языками, в т. ч.:	1061	100	1888	100	1111	100	1401	100
алтайским	64	6,0	303	16,1	194	17,5	нет данных	
кумандинским	212	20,0	1	0,1	4	0,4	276	19,7
тубаларским	3	0,3	201	10,7	2	0,2	нет данных	
челканским	2	0,2	0	0	277	24,9	нет данных	

* Сост. по: Национальный состав...; Национальный состав... 2013: 53, 55, 57.

В ходе опроса респондента переписчиком, как известно, компетенции в сфере владения языками не проверяются, что позволяет предполагать наличие тех, кто декларативно заявил о владении родным языком, а значит реальные цифры несколько ниже. Кроме того, близость алтайского языка и языков коренных малочисленных народов региона в перспективе может привести к замещению первым последних. Собственно, именно этот результат предполагался по итогам «строительства» алтайской социалистической народности. В условиях практически полного отсутствия преподавания в школах языков коренных малочисленных народов Алтая в отличие от алтайского языка тенденция прошлых лет сохраняется. Этому благоприятствует также обучение детей в престижной Республиканской гимназии им. В. К. Плакаса.

По данным переписи 2010 г. алтайский язык назвали родным 39 (1,4 % от общей численности) кумандинцев, 377 (19,2 %) тубаларов и 62 (5,3 %) челканца, а владеют 79 (2,7 %) кумандинцев, 317 (16,1 %) тубаларов и 200 (16,9 %) челканцев (Владение языками...; Население коренных...). Подавляющее большинство владеющих алтайским языком проживает в Республике Алтай (таблица 5). По нашим полевым материалам данный процесс имеет место быть, хотя и не в широких масштабах. В будущем с развитием урбанизационных процессов и семейных связей, приводящих к включению части коренного населения в алтайскую коммуникативную среду, в г. Горно-Алтайске миноритарные языки могут быть замещены отчасти алтайским.

В 2016 г. был проведен соцопрос в г. Горно-Алтайске (А. П. Чемчиевой) и г. Бийске (В. В. Николаевым), в ходе которого задавались вопросы о родном языке и степени владения им коренным населением Алтая. Материалы по г. Горно-Алтайску: 24, 22 и 37 % свободно владеют; 12, 26 и 26,1 % — говорят; 22, 26 и 28,3 % — понимают родную речь; а 42, 26 и 8,6 % — кумандинцев, тубаларов и челканцев соответственно совершенно не говорят и не понимают. Эти данные заметно выше представленных в переписи показателей, а автор дела-

ет неожиданный вывод о «снижении уровня владения языком» (Чемчиева, 2017: 238–239). Наши материалы по г. Бийску содержат несколько иные результаты, указывающие на критичный уровень говорящих на кумандинском языке в 2016 г.: 10,3 % владеют свободно, 8,6 % — говорят, 29,4 % — понимают родную речь, 51,7 % кумандинцев совершенно не говорят и не понимают.

К 2010 г. для большинства коренных жителей Алтая русский язык стал родным, незнание которого стало исключительным явлением и присуще лишь людям старшего поколения. Так, 2136 (73,9 % от общей численности) кумандинцев, 1156 (58,8 %) тубаларов и 472 (40 %) челканца назвали русский язык родным, в то время как язык своего народа — 705 (24,4 %) кумандинцев, 428 (21,9 %) тубаларов и 645 (54,6 %) челканцев (Население коренных...). Несмотря на сокращение количества автохтонов, владеющих языком своего народа, по инерции сохраняется приверженность языку предков даже у тех, кто на нем не говорит.

Основной причиной нарастающих темпов утраты знания миноритарных языков является урбанизация и миграция. Полевые материалы, собранные в г. Бийске, показательны. Переезжая в город, кумандинцы расселяются дисперсно, друг с другом общаются редко, вступают в межэтнические браки и во втором поколении утрачивают знание родного языка (ПМА 2017: г. Бийск).

Административно-территориальная разделенность кумандинцев, когда большая их часть проживает в Алтайском крае, способствует устойчивости их этнополитического положения и, в том числе, позволяет издавать азбуки, разговорники, словари, сказки и т. д. (Назаров, 2018: 42). В меньшей степени издательская активность характерна для тубаларов и челканцев. Для последних важнейшим стали усилия в первую очередь А. М. Кандараковой (напр., Кандаракова, 2013).

Заключение

Языки кумандинцев, тубаларов и челканцев сохранились, несмотря на сложные исторические процессы XIX — начала XXI в. Национальная политика, школьное образование на русском (отчасти алтайском) языке и нарастание на всем протяжении XIX — XX вв. иноэтничного окружения способствовали лишь распространению билингвизма. Катализатором сегодняшнего кризисного положения стала политика ликвидации неперспективных сел в 1950–1970-е гг., спровоцировавшая массовое перемещение кумандинцев, тубаларов и челканцев из родных сел в райцентры и города, а сотни людей уехали за пределы Алтая. Как следствие, была разрушена среда бытования миноритарных языков и прервана трансляция языковых компетенций от старшего поколения к младшему. Эти процессы в большей мере отразились на кумандинцах, активнее остальных переезжавших в город и значительно активнее утрачивавших родной язык. То, что было характерно для кумандинцев в 1980–1990-е гг., становится реальностью для тубаларов и челканцев сейчас. В настоящее время для большинства представителей коренного населения русский язык является родным.

В настоящее время миноритарные языки находятся в кризисном состоянии в силу ускоренного сокращения количества их носителей. Данные переписей, имеющие отчасти декларативный характер, и соцопросов, охватывавших лишь часть коренного населения, дают лишь приблизительную картину, а не реальную этноязыковую ситуацию. Опираясь на имеющиеся статистические данные, считаем, что в межпереписной период (представители старшего поколения умирали, а преподавание языков коренных народов не велось) происходило снижение количества носителей миноритарных языков: у кумандинцев сократилось с трети до четверти от общей численности, у тубаларов с четверти до примерно 10 %, у челканцев с 50 до 30 %.

Полевые исследования позволяют дополнить статистические данные. По нашим наблюдениям, молодежь и люди среднего возраста в лучшем случае понимают родную речь, а

большая часть старшего поколения владеет родным языком. С уходом из жизни представителей старшего поколения может «умереть» и язык. Факультативное преподавание языков в школах на протяжении 2010-х гг. существенно не изменило ситуации. Скорее наоборот, в перспективе молодые люди, заявляющие владение родным языком, фактически будут его знать фрагментарно; качественно хуже, чем старшее поколение. В условиях практически полного отсутствия учебной литературы и недостаточной подготовки преподавателей ожидать иного не приходится. Результаты переписи 2020 г. если и покажут стабильность показателей владения родным языком, то качественные характеристики (и, скорее всего, их ухудшение) будет возможно понять только в ходе специализированного исследования филологов.

Отдельные населенные пункты (Курмач-Байгол, Санькин Аил, Шатобал и др.), где компактно проживают представители коренных народов, сохраняя языковую среду, не оказывают значимого влияния в силу малочисленности их жителей. Перспективой для миноритарных языков является деятельность общественных организаций (напр., в с. Красногорском и г. Бийске) и грантовая деятельность тубаларского образовательно-культурного центра «Алтай-Кабай — Колыбель Алтая» (напр., проект «Воскресная языковая школа для тубаларов», поддержанный фондом президентских грантов).

Список источников:

ГААК — Государственный архив Алтайского края.

ГАНО — Государственный архив Новосибирской области.

Владение языками населением коренных малочисленных народов Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. [электронный ресурс] URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-20.pdf (дата обращения: 23.02.2020).

Владение языками населением Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. [электронный ресурс] URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-05.pdf (дата обращения: 23.02.2020).

Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 13. [электронный ресурс] URL: http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_13_02.htm (дата обращения: 23.02.2020).

Население коренных малочисленных народов Российской Федерации по родному языку. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. [электронный ресурс] URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-22.pdf (дата обращения: 23.02.2020).

Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. [электронный ресурс] URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-08.pdf (дата обращения: 23.02.2020).

Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический сборник. Горно-Алтайск: ООП Алтайстата, 2013. Т. 4. 419 с.

Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. [электронный ресурс] URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-21.pdf (дата обращения: 23.02.2020).

Николаев В. Советская Ойротия на культурном фронте // Революция и национальности. 1932. № 1. С. 86–91.

Постановление по докладу о работе среди национальных меньшинств Сибирского края // Революция и национальности. 1930. № 1. С. 109–111.

Размещение населения коренных малочисленных народов по территориям преимущественного проживания КМН. Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 13. [электронный ресурс] URL: http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_13_01.htm (дата обращения: 23.02.2020).

Размещение населения коренных малочисленных народов Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. [электронный ресурс] URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-19.pdf (дата обращения: 23.02.2020).

Распространенность владения языками (кроме русского). Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 4. [электронный ресурс] URL: http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_04_04.htm (дата обращения: 23.02.2020).

Сталин И. В. Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве // Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.: Изд-во «Красная новь», 1923. С. 439–454.

Тезисы к XII съезду РКП(б), одобренные ЦК партии // Правда. 1923. № 65. С. 3.

Литература:

Баскаков Н. А. Тюркские языки. М.: Изд-во ЛКИ, 1960. 248 с.

Кандаракова А. М. Песни челканского народа. СПб.: Алмаз-Граф, 2013. 88 с.

Кандаракова Е. П. Проблемы национальных школ и языковая ситуация в Республике Алтай. Бийск: НИЦ Бийск. гос. пед. ун-та, 2001. 144 с.

Малинов А. В. Культура коренных малочисленных народов России // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2008. С. 274–292.

Назаров И. И. Основные тенденции современного этнокультурного развития кумандинцев Алтайского края // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 39–49.

Озонова А. А., Николина Е. В., Кокошникова О. Ю., Тазранова А. Р. Социолингвистическая ситуация у тубаларов и челканцев // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. Вып. 7. Ч. I. С. 3–9.

Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л.: Изд-во Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. 196 с.

Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.

Сарбашева С. Б. Современная языковая ситуация у тубинцев // Социальные процессы в современной Западной Сибири: философские, политологические, культурологические аспекты. Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт», 2000. С. 166–173.

Степанов В. В. Критический анализ программы Всероссийской переписи населения 2010 г. // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2009 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 261–277.

Уртегешев Н. С. Социолого-лингвистическая ситуация у кумандинцев // Вестник Казахского национального университета им. аль-Фараби. 2005. № 5. С. 105–107.

Чемчиева А. П. Языковая ситуация в среде коренных малочисленных народов города Горно-Алтайска // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-5. С. 237–240.

Николаев Василий Владимирович, кандидат исторических наук,
научный сотрудник отдела этнографии.

Институт археологии и этнографии СО РАН.

Пр. Академика Лаврентьева, д. 17, г. Новосибирск, Новосибирская область, 630090.

E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

Самушкина Екатерина Викторовна, кандидат исторических наук,
научный сотрудник отдела этнографии.

Институт археологии и этнографии СО РАН.

Пр. Академика Лаврентьева, д. 17, г. Новосибирск, Новосибирская область, 630090.

E-mail: Khakassie@yahoo.com

Материал поступил в редакцию 07 сентября 2021 г.

V. V. Nikolaev, E. V. Samushkina

ETHNIC-LANGUAGE PROCESSES AMONG THE KUMANDY, TUBALARS AND CHELKANS IN THE 19TH — EARLY 21ST CENTURIES

The article is devoted to the problem of linguistic identity of the Kumandy, Tubalars and Chelkans. The article will consider ethnic-language processes, will determine the current position and will characterize the future of the ethnic-language situation among the Kumandins, Tubalars and Chelkans.

Based on the analysis of archival sources (materials of paperwork of regional authorities, materials of the All-Russian Agricultural Census of 1917), published census data, and in-depth interviews, results sociological survey the processes of ethnolinguistic transformation among the indigenous peoples of the foothills of Northern Altai are presented. The study identified factors that influenced the change in the linguistic picture, the consequences of the change for these ethnic groups. It is proved that during the XIX — early XXI centuries. The ethnic-language situation of the indigenous population of the foothills of the Northern Altai has changed dramatically. It is concluded that until 1930s the vast majority of the population of the studied region spoke their native language, despite the work of the Altai spiritual mission. Within 10 % of the total number of indigenous Türkic-speaking inhabitants, mainly men, spoke Russian. In the early Soviet period, including thanks to the programs of the Soviet government to form a network of schools and the organization of “national collective farms”, the distribution of the Russian language among the Kumandy, Tubalars and Chelkans was restrained. In the future, “national” schools and collective farms were closed. The Russian language began to dominate in the public sphere. It is the generation born in the 1920–1930s becomes massively bilingual. The starting point for the leveling of minority languages was the destruction of the environment in which they functioned as a result of the liquidation of unpromising villages and separation from their native language environment due to the migration of young people outside the ethnic territory in the 1950–1970s. Currently minority languages are being lost. The number of their carriers is reduced. The Kumandin, Tubalar and Chelkan languages can retain the interest of indigenous people and the activities of public organizations.

Keywords: *indigenous population, Kumandy, Tubalars, Chelkans, Altai, ethno-linguistic processes, minority languages.*

Sources:

State archive of the Altai region. (in Russian)

State archive of the Novosibirsk region. (in Russian)

Vladenie yazykami naseleniem korennykh malochislennykh narodov Rossiiskoi Federatsii. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda [Language skills of the indigenous peoples of the Russian Federation. Results of the All-Russian Population Census 2010]. vol. 4. [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-20.pdf (Accessed: 23.02.2020). (in Russian)

Vladenie yazykami naseleniem Rossiiskoi Federatsii. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda [Languages skills of the population of the Russian Federation. Results of the All-Russian Population Census 2010]. vol. 4. [Elektronnyi resurs]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-05.pdf (Accessed: 23.02.2020). (in Russian)

Korennye malochislennyye narody Rossiiskoi Federatsii. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2002 goda [Indigenous peoples of the Russian Federation. Results of the All-Russian Population Census 2002]. vol. 13. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_13_02.htm (Accessed: 23.02.2020). (in Russian)

Naselenie korennykh malochislennykh narodov Rossiiskoi Federatsii po rodnomu yazyku. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda [The population of the indigenous peoples of the Russian Federation in their native language. Results of the All-Russian Population Census 2010]. vol. 4. [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-22.pdf (Accessed: 23.02.2020). (in Russian)

Naselenie naibolee mnogochislennykh natsional'nostei po rodnomu yazyku. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda [The population of the most numerous nationalities in their native language. Results of the All-Russian Population Census 2010]. vol. 4. [Elektronnyi resurs]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-08.pdf (Accessed: 23.02.2020). (in Russian)

Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda: statisticheskii sbornik [National composition and language skills, citizenship. Results of the All-Russian Population Census 2010: statistical compilation]. Gorno-Altaysk: OOP Altaystat Publ., 2013. vol. 4. 419 p. (in Russian)

Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda [National composition and language skills, citizenship. Results of the All-Russian Population Census 2010]. vol. 4. [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-21.pdf (Accessed: 23.02.2020). (in Russian)

- Nikolaev V.** Sovetskaya Oirotiya na kul'turnom fronte [Soviet Oirotia on the cultural front] // Revolyutsiya i natsional'nosti [Revolution and nationalities]. 1932. No. 1. P. 86–91. (in Russian)
- Postanovlenie po dokladu o rabote sredi natsional'nykh men'shinstv Sibirskogo kraia [Decree on the report about work among national minorities of the Siberian territory] // Revolyutsiya i natsional'nosti [Revolution and nationalities]. 1930. No. 1. P. 109–111. (in Russian)
- Razmeshchenie naseleniya korennykh malochislennykh narodov po territoriyam preimushchestvennogo prozhivaniya KMN. Korennye malochislennyye narody Rossiiskoi Federatsii. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2002 goda [Placement the population of indigenous peoples on the territories of primary residence of indigenous peoples. Indigenous peoples of the Russian Federation. Results of the All-Russian Population Census 2002. vol. 13. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_13_01.htm (Accessed: 23.02.2020). (in Russian)
- Razmeshchenie naseleniya korennykh malochislennykh narodov Rossiiskoi Federatsii. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda [Placement the population of indigenous peoples of the Russian Federation. Results of the All-Russian Population Census 2010]. vol. 4. [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-19.pdf (Accessed: 23.02.2020). (in Russian)
- Rasprostranennost' vladeniya yazykami (krome russkogo). Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2002 goda [The prevalence of language skills (except Russian). National composition and language skills, citizenship. Results of the All-Russian Population Census 2002]. vol. 4. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_04_04.htm (Accessed: 23.02.2020). (in Russian)
- Stalin I. V.** Doklad o natsional'nykh momentakh v partiinom i gosudarstvennom stroitel'stve [Report on national moments in party and state building] // Dvenadtsaty s'ezd Rossiiskoi Kommunisticheskoi partii (bol'shevikov). Stenograficheskiy otchet [Twelfth Congress of the Russian Communist Party (Bolsheviks). Stenographic record]. Moscow: Krasnaya nov Publ., 1923. P. 439–454. (in Russian)
- Tezisy k XII s'ezdu RKP(b), odobrennye TsK partii [Abstracts for the XII Congress of the RCP (B) approved by the CC of the party] // Pravda [Pravda]. 1923. No. 65. P. 3. (in Russian)

References:

- Baskakov N. A.** Tyurkskie yazyki [Turkic languages]. Moscow: vost. lit. Publ., 1966. 248 p. (in Russian)
- Kandarakova A. M.** Pesni chelkanskogo naroda [Songs of the Chelkan people]. St. Petersburg: Almaz-Graf Publ., 2013. 88 p. (in Russian)
- Kandarakova A. M.** Problemy natsional'nykh shkol i yazykovaya situatsiya v Respublike Altai [Problems of national schools and the language situation in the Altai Republic]. Biysk: SRC Biysk State Pedagogical University Publ., 2001. 144 p. (in Russian)
- Malinov A. V.** Kul'tura korennykh malochislennykh narodov Rossii [The culture of the indigenous peoples of Russia] // Kul'tura i traditsii korennykh narodov Severnogo Altaya [Culture and traditions the indigenous people of Northern Altai]. Saint-Petersburg: Dom SPSU Publ., 2008. P. 274–292. (in Russian)
- Nazarov I. I.** Osnovnye tendentsii sovremennogo etnokul'turnogo razvitiya kumandintsev Altaiskogo kraia [Main Tendencies of Modern Ethnocultural Development of the Kumandins of Altai Krai] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]. 2018. No. 2. P. 39–49. (in Russian)
- Ozonova A. A., Nikolina E. V., Kokoshnikova O. Yu., Tazranova A. R.** Sotsiolingvisticheskaya situatsiya u tubalarov i chalkantsev [Sociolinguistic situation among Tubalars and Chalkans] // Yazyki korennykh narodov Sibiri [Languages of the Indigenous Peoples of Siberia]. Novosibirsk: NSU Publ., 2003. iss. 7, pt. I. P. 3–9 (in Russian)
- Potapov L. P.** Etnicheskii sostav i proiskhozhdenie altaitsev. Istoriko-etnograficheskiy ocherk [The ethnic composition and origin of the Altai people. Historical and ethnographic essay]. Leningrad: Nauka Publ., Leningrad department, 1969. 196 p. (in Russian)
- Radlov V. V.** Iz Sibiri: stranitsy dnevnika [From Siberia. Diary Pages]. Moscow: Nauka, 1989. 749 p. (in Russian)
- Sarbasheva S. B.** Sovremennaya yazykovaya situatsiya u tubintsev [The modern linguistic situation among the Tubins] // Sotsial'nye protsessy v sovremennoi Zapadnoi Sibiri: filosofskie, politologicheskie, kul'turologicheskie aspekty [Social processes in the modern Western Siberia: philosophical, political, cultural aspects]. Gorno-Altaysk: RIO Univer-Print Publ., 2000. P. 166–173. (in Russian)
- Stepanov V. V.** Kriticheskii analiz programmy Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 g. [A critical analysis the program of the All-Russian Population Census of 2010] // Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2009 godu. Ezhegodnyi doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov [Ethnopolitical

situation in Russia and neighboring states in 2009. Annual report of the network for ethnological monitoring and early warning of conflicts]. Moscow: IEA RAN Publ., 2010. P. 261–277. (in Russian)

Urtegeshev N. S. Sotsiologo-lingvisticheskaya situatsiya u kumandintsev [Sociologic and linguistic situation among Kumandins] // Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta im. al'-Farabi [Bulletin of the Kazakh National University]. 2005. No. 5. P. 105–107. (in Russian)

Chemchieva A. P. Yazykovaya situatsiya v srede korennykh malochislennykh narodov goroda Gorno-Altaysk [Language situation in the environment of the indigenous peoples of Gorno-Altaysk] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. 2017. No. 12. Pt. 5. P. 237–240. (in Russian)

Nikolaev Vasilii Vladimirovich, kandidat of historical science, research fellow.

RAS, Siberian branch, Institute of Archaeology and Ethnography.

17 Academician Lavrentiev ave., Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

Samushkina Ekaterina Viktorovna, kandidat of historical science, research fellow.

RAS, Siberian branch, Institute of Archaeology and Ethnography.

17 Academician Lavrentiev ave., Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: Khakassie@yahoo.com